

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

О.В. БОРИСОВА,
А.В. ОЛЕСКИН

Этническая группа и государство как субъекты социального взаимодействия: социопсихологический и биополитический аспекты

Необходимость выработки нового мышления в сфере этнополитологии и этнополитики, а также поиска оптимальных путей формирования в Российской Федерации гражданского общества и "ключа" к деполитизации этнического фактора, продолжающего играть важную роль в жизни российского социума, требуют преодоления устоявшихся стереотипов восприятия этнических общностей. Данное исследование – попытка рассмотреть их в контексте социальной психологии и особенно *биополитики*¹.

Продуктивность такого подхода состоит прежде всего в том, что биополитика восходит к философско-мировоззренческой идее натурализма – представлению о тесной взаимосвязи природы и социума и о человеке, который при всей специфике и уникальности все же – продукт биологической эволюции. С натурализмом связана ценностная установка *биоцентризма* – признание абсолютной ценности всех форм живого на Земле, формирующих единый планетарный "организм" или "*тело биоса*"², которое во всем разнообразии его состава обладает неотъемлемым правом на существование. Биополитика моделирует бесконфликтные стратегии поведения индивидов и групп, основываясь, во-первых, на опыте жизнедеятельности различных организмов и сообществ, накопленном в ходе биосоциальной эволюции, а во-вто-

¹ Термин "биополитика" обозначает совокупность приложения всех разделов современной биологии (этологии, экологии, генетики, нейрофизиологии и др.) к политической теории и практической политике. Этот широкий спектр естественно-научных направлений применяется для изучения разнообразных социально-политических феноменов (от поведения избирателей и кандидатов на выборах до вклада невербальной коммуникации в диалог лидеров и их сторонников; от политического резонанса роста населения планеты до социальных, этнических и юридических последствий генно-инженерных и биотехнологических разработок). Биополитика, наряду с социальной психологией, занимается также созданием социальных технологий, повышающих эффективность работы различных творческих коллективов [Олескин, 1998; 2001; Резник, 1996; Somit, 1968; 1972; Somit, Peterson, 1998].

² В него входит и человечество со всеми его социально-культурными и этническими градациями, которые надо рассматривать как важный позитивный фактор, обуславливающий пластичность и приспособляемость всей системы (человечество + биос) при изменениях глобальных условий обитания.

Борисова Ольга Владимировна – кандидат политических наук (Ульяновск).

Олескин Александр Владимирович – доктор биологических наук, заведующий сектором биополитики и биосоциологии, доцент кафедры физиологии микробиологии факультета биологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

рых, на собственно гуманитарных исследованиях, отражающих специфику человеческого социума, нередуцируемую до сообществ иных существ, хотя и сопоставимую с ними [Гусев, 1991; Vlavianos-Arvanitis, 1985; 1998].

Парадигма межгрупповых отношений в этнополитологии

Начнем с терминологического разъяснения. Рабочей категорией нашего анализа является *группа*, определяемая в социальной психологии как "сообщество, состоящее из двух или более взаимодействующих и влияющих друг на друга индивидов" [Майерс, 2000, с. 356]. Направления биополитики, опирающиеся на этологию человека, изучают механизмы межгруппового взаимодействия, имеющие социально-политический резонанс. В сопоставлении с поведением животных, в первую очередь наиболее близких наших "эволюционных родичей" – человекообразных обезьян (шимпанзе, бонобо³), исследуются формы агонистического и лояльного поведения. Термин *агонистическое поведение* включает все его формы, связанные с конфликтами индивидов и групп: агрессию, подчинение, избегание противника, изоляцию от него [Дьюсбери, 1981]. Что касается *лояльного* (или *неагонистического*) поведения, то оно соответствует спектру форм дружественного, сплачивающего социальную систему поведения и распадается на *афiliation* (взаимное притяжение особей в одной семье, группе) и *кооперацию* (взаимопомощь, совместное решение той или иной задачи). Изучая механизмы межгруппового общения и особенности различных поведенческих стратегий, можно раскрыть сущность этнических конфликтов, их структуру, динамику и предположить технологии эффективного общения. Преимущество данной методики состоит в том, что проблема взаимодействия этнической группы и государства в полиэтническом обществе анализируется в системе "группа–группа".

Здесь, однако, требуется уточнение. С примордиальной позиции "этническая группа" – ассоциация с характерными для нее социально-культурными и психологическими признаками (общность языка, территории, предков, мифологии, бытового уклада; этноцентризм, этнические предрассудки). Иначе говоря, данное понятие практически тождественно термину "этнос". С точки зрения же нормативного и институционального подходов под этнической группой понимается часть этноса, проживающая в границах социального и политического пространства другого народа, то есть этническое меньшинство или "нетитульная" этническая общность. Если в гетерогенном обществе подобная группа не имеет суверенитета (автономии) в рамках политической системы доминирующего ("титульного") этноса, то она занимает подчиненное положение в иерархии их взаимоотношений. Ибо "титульная нация" (общность) выступает в роли основного носителя данной политической системы и источника государственности. Она фактически отождествляется с государством – институтами власти, образующими основной политический субъект, или одну из самых влиятельных, "организованных сверху донизу" социальных групп [Сорокин, 1994, с. 52].

Как агенты коммуникации этнические группы имеют свои характерные особенности, которые позволяют считать их аналогами небюрократических структур, разрабатываемых ныне в теории и практике менеджмента. Подобно им этнические группы построены в значительной мере на системе горизонтальных связей и неформальном лидерстве, имеющем расщепленный характер (выделяются политические, духовные, религиозные лидеры). Фактором групповой сплоченности этнического коллектива является этноцентризм, который может сочетаться с ксенофобией, проявляющейся не только как неприятие "чужих", но и как культивирование с раннего детства этнических предрассудков – неоправданно негативных установок по отношению к другим группам и их отдельным членам [Мескон, Альберт, Хедоури, 1992; Олескин, 1998].

³ Бонобо – сравнительно недавно открытый вид высших приматов, известный также как карликовый шимпанзе.

Этноцентризм с точки зрения биополитики обусловлен территориальным поведением человека на групповом уровне и стремлением к межгрупповой изоляции. Как и у приматов, территориальное поведение *Homo sapiens* связано с консолидацией группы как биосоциальной системы, распознаванием "своих" и "чужих", против которых и направлено агонистическое поведение. Предпосылкой этноцентризма является *внутригрупповая афiliation*, порождающая дихотомию "свой–чужой" ("мы–они"). Она связывается первоначально с *родственным альтруизмом* – самопожертвованием особи ради близкого кровного родственника (родителя, детеныша, брата и др.), у которого имеется существенная доля общих генов с индивидом-альтруистом. С эволюционной точки зрения родственный альтруизм – способ распространения своих собственных генов в потомстве, и потому на генетическом уровне он является эгоизмом [Докинз, 1989].

Ряд причисляющих себя к биополитикам ученых полагает, что люди, подобно многим животным, имеют способность отыскивать тех, кто имеет общие с ними гены. Генетическое сходство обнаруживается прежде всего по первичным маркерам (черты внешнего облика, телосложение, голос, запах и др.), имеющим наследственную компоненту⁴. Есть данные, согласно которым из характерологических признаков генетически детерминирована предрасположенность личности к экстраверсии (открытости, общительности) или к интроверсии (погруженности в себя). Люди готовы совершать акты альтруизма по отношению даже к неродственным индивидам, если последние имеют общие генетически заданные признаки [Rushton, 1999].

Разделение на "своих" и "чужих" – универсальная характеристика живых существ, но у *Homo sapiens* большое значение в функционировании этого механизма, помимо биологических, имеют социально-культурные факторы. Бытует мнение, что уже в первобытном обществе под разделение людей на соплеменников и чужаков подводилась культурная база – мифология. "Своей" группе обычно отводилась роль хранительницы мирового порядка, другие же воспринимались средоточием хаоса. Первобытная ксенофобия сочетала в себе два идейных компонента – представление о собственном превосходстве и исключительности и рассмотрение чужаков как воплощение вселенского зла.

Механизм "свой–чужие" имеет стереотипную природу. Стереотипы экономят живым существам на различных этапах биологической эволюции время на обработку информации, позволяя очень быстро распознавать друга и врага, товарища по группе и постороннего, упрощают мир и вызывают чувство уверенности в себе [Лоренц, 1994]. Аналогично и в более зрелом человеческом обществе стереотипные убеждения и базирующиеся на них предрассудки обусловлены особенностями нашего мышления, стремящегося сводить сложное к простому.

По гипотезе Д. Раштона этносы формируются из генетически сходных индивидов, хотя это сходство и существенно ниже свойственного членам одной семьи. Поэтому и возможен аналог родственного альтруизма – самопожертвование ради других представителей своего этноса. Данная гипотеза, однако, весьма дискуссионна, поскольку далеко не все этносы современности эндогамны. Эндогамия была характерна для первобытных родов и племен; ныне же ее практикуют лишь некоторые группы евреев и религиозные секты (гуттериты, амиши), однако современные крупные этнические общности, допуская генетический обмен с другими этносами, характеризуются весьма низким уровнем биологического родства. Правда, здесь имеется возможность для политических манипуляций: элиты, как правило, хорошо владеют искусством мобилизации масс путем стимулирования в рамках большого общества чувств "братства по крови", присущих малым группам или семейным общинам. Известен мобилизующий

⁴ Также существует предположение, что распознавание этнической принадлежности производится подсознательно не только по первичным, но и по вторичным, культурно обусловленным маркерам: язык, диалект, акцент, одежда, стиль, манера поведения и т.д.

потенциал оборотов речи и слов, связанных с внутрисемейными отношениями (например, обращения "братья и сестры" в политической риторике; слова, указывающие на более отдаленные связи, например, обращение "друзья", мобилизуют намного слабее) [Salmon, 1998].

Контрагентом в указанной системе социального взаимодействия является государство – формализованная бюрократическая группа, чьи цели, стратегии поведения и границы деятельности определены нормативными актами. В качестве факторов его внутригрупповой консолидации можно выделить корпоративность, жесткую должностную иерархию и привлекательность доступа к институциональным рычагам управления. Государство как социальная группа отличается тем, что взаимоотношения между ее членами определяются их рангом, статусом и должностью. Государственная группировка осознает свою функциональную значимость в макросоциуме, но вынуждена учитывать и уравнивать интересы разнопорядковых групп. Она аккумулирует политическую власть, регулирует распределение, использование и воспроизведение ресурсов, обеспечивает сохранение территориальной целостности страны.

Бюрократический принцип организации государственной группы и формализация взаимоотношений внутри нее обуславливают стремление к унификации управленческих объектов, что может порождать ответную реакцию социального беспокойства со стороны этнических групп различных цивилизационных типов. В подобной системе социального взаимодействия государство все же является ведущим партнером, ибо оно обладает необходимыми ресурсами власти, определяет векторы общения, его интенсивность и эффективность. Государственная группировка, заинтересованная в навязывании тех или иных стратегий общения, исходит из утвердившейся в ее границах ценностно-нормативной системы, которая может совпадать или противоречить ценностным ориентациям какой-либо конкретной этнической группы. Стратегия и модели поведения представителей последней определяются типом политического режима, навыками правовой и управленческой культуры и в немалой степени задаются самой политической элитой. Государство заинтересовано в формировании надэтнической идентификации индивидов: подданнической в традиционных обществах и гражданской – в современных.

Оба партнера в указанной системе социального взаимодействия заинтересованы в воспроизводстве своего уровня идентификации, социально-культурным механизмом которой является *индоктринация*. Под ней понимается целенаправленное внушение политических идей, ценностей, символики, норм поведения группам людей, выступающее средством групповой консолидации, способом политической мобилизации и механизмом мотивации к тем или иным совместным действиям. Индоктринация, естественно, обусловлена как этнологическими, так и культурными факторами [Eibl-Eibesfeldt, 1998].

Путем индоктринации в общество внедряются идеологии – системы установок, идей и ценностей, отражающие отношение к действительности, интересы, цели или устроения тех или иных субъектов политики. Социальные функции идеологии в основном сводятся к:

- организации мышления; определению в нем приоритетов – четких ориентиров, регламентирующих мир и жизнь человека в обществе;
- формированию самоуважения; определению цели и смысла жизни индивида;
- выделению четких критериев для распознавания "своих" и "чужих";
- реализации агрессивного потенциала людей в борьбе за достижение поставленных целей;
- обеспечению нейрофизиологического гомеостаза (поддержанию среди своих adeptов приятного эмоционального состояния) [McGuire... 1998].

Идеология часто воздействует на выбор типа межсубъектного общения между этнической группой и государством: *императив, манипуляция, диалог*. Рассмотрим данный типологический ряд, построенный на основе критериев иерархии доминирования партнеров и их целей.

Общение в виде императива

Императив – "авторитарная, директивная форма воздействия на партнера по общению с целью достижения контроля над его поведением и внутренними установками, принуждение к определенным действиям или решениям" [Битянова, 1994, с. 5] – исторически наиболее традиционный тип взаимодействия. Императив как стратегия общения предполагает стремление к полному доминированию над партнером, навязывание ему своих ценностных установок, жесткое регламентирование всех сфер его жизнедеятельности; часто содержит негативные оценки в восприятии партнера и может быть нацелен на его уничтожение или устранение из системы социального взаимодействия.

В эволюционном плане это самый старый, возникший одновременно с древнейшими цивилизациями вид общения, присущий государствам имперского типа. В наше время он используется как инструмент силового давления на "нетитульные" этнические группы. Можно выделить три типа императивной стратегии, проводимой **государством в отношении этнических групп: дискриминация, территориальная и правовая изоляция, геноцид.**

Дискриминация – ограничение или лишение части граждан политических и гражданских прав и свобод по признаку этнической (расовой, религиозной, языковой) принадлежности. Использование данной стратегии общения нацелено на обеспечение привилегированного положения "титульной" группы (с которой себя и отождествляет государственная группировка) и ограничение других этнических общностей в области избирательного права, высшего образования, свободы передвижения и выбора места жительства, социальных и экономических прав. На постсоветском пространстве элементы дискриминации в отношении "нетитульных" этнических групп можно наблюдать, например, в Латвии и Туркмении, где проводится курс на создание моноэтнического общества.

Территориальная или правовая изоляция этнических групп, пожалуй, более жесткая форма императивного воздействия со стороны государства. Классическим образом данной модели взаимодействия можно считать гетто – особые поселения для евреев, появившиеся еще в средние века в странах Западной, Центральной и Восточной Европы. Подобия гетто встречаются и в современных государствах: это районы города, в которых селятся дискриминируемые группы (этнические или расовые). После Второй мировой войны стратегию территориальной изоляции открыто проводил режим апартеида в ЮАР. Система апартеида была построена на разделении населения страны на четыре группы: "белые", "черные", "цветные" и "азиаты"; полнота гражданских прав гарантировалась лишь первой. В отношении других групп апартеид предусматривал ограничение их жизнедеятельности: жилищную сегрегацию, сегрегацию в общественных местах; регламентацию круга возможных профессий для каждой группы; запрет массовых контактов (особенно браков). На определенном историческом этапе формой территориальной изоляции были резервации для малочисленных коренных жителей страны (например, индейцев в США, аборигенов в Австралии). Необходимо, однако, отметить, что в настоящее время резервации стали механизмом защиты этнокультурной специфики данных общностей от разрушительных для нее последствий модернизации.

Еще одна историческая форма групповой изоляции – депортация, то есть насильственное перемещение этнических групп, фактическое их выселение из традиционных мест обитания или с исторической родины. Например, в период Великой Отечественной войны были ликвидированы автономные территориальные образования немцев Поволжья, калмыков, чеченцев и ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, а сами эти группы были выселены в восточные регионы СССР.

Наконец, крайним выражением государственного императива в рассматриваемой сфере является *геноцид* – действия, нацеленные на полное или частичное уничтожение этнических, расовых или религиозных групп населения. Наиболее яркие и изве-

стные примеры здесь – политика уничтожения евреев, цыган и славянских этносов, проводимая нацистской Германией, и массовое уничтожение армян в Турции в 1915–1916 г. Элементы такой политики содержали этнические чистки в период гражданской войны, связанной с распадом Югославии.

Идеологическим обоснованием императива как поведенческой линии государственной группировки обычно выступают различные варианты великодержавного шовинизма (возвеличивание роли и положения "титულიной" группы, принижение "нетитульных", которым отказано в самобытности) и расизма (представление о естественном превосходстве одной расы над всеми остальными, рассматриваемыми как неполноценные и невосприимчивые к прогрессу). А средством осуществления данной политики выступает этническое насилие – принудительное воздействие на этническую группу, нацеленное на ограничение ее жизнедеятельности, искусственное разрушение целостностей, подавление и ущемление интересов группы и даже ее уничтожение. Власть, навязывая императивное общение, рискует получить нарастание этнической напряженности и социального беспокойства дискриминируемых групп, чреватое возникновением конфликтной ситуации.

Впрочем, сами **этнические группы также активно применяют императив в качестве метода воздействия на государство**. Использование данного вида взаимодействия обусловлено политизацией этноса: он начинает выступать в качестве политического актора, использующего различные виды силового давления: неконституционные, нелегальные и революционные средства борьбы против различных форм дискриминации или за политическое самоопределение вплоть до создания собственного государства. В качестве механизма политической мобилизации этнические лидеры используют идеологию национализма, базирующуюся на приверженности людей к интересам своей общности, нацеленную на актуализацию этнического уровня идентификации индивида.

В истории мирового политического процесса развитие такого вида социального взаимодействия обусловлено глобальными процессами модернизации, деколонизации и демократизации, которые мы наблюдаем на всем протяжении XIX–XX вв. и по сей день. Исторической формой императива были так называемые национально-освободительные движения и революции угнетенных и дискриминируемых групп в странах Центральной и Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, в результате которых возникли десятки новых государств. Современные проявления императивной стратегии – это этносепаратизм (распад СССР, СФРЮ и ЧССР) и этнотерроризм. Последний выступает как самая жесткая, бесперспективная форма политики, одобряемая далеко не всеми членами этнической группы: террористические акты несут угрозу и самой группе, так как общество относится к ней крайне негативно, идентифицируя с образом "внутреннего врага".

Императивное взаимодействие в начале 1990-х гг. было распространено в России. В то время на фоне глубокого экономического кризиса, коренной ломки привычного уклада жизни этносов различных цивилизационных типов, деформации единого социально-политического и культурного пространств произошла политизация массового сознания, в которое проникли идеи самоопределения этнических групп, подкрепленные часто превратно толкуемыми соответствующими нормами международного права. Политическая мобилизация этнических общностей в зависимости от позиции их складывавшихся элит приобретала различные формы и проявилась с различной степенью интенсивности в той или иной этнотерриториальной единице. Регионами повышенной активности этнических групп были Средняя Волга, Средний и Южный Урал, Южная Сибирь, Алтай и особенно Северный Кавказ. Наиболее высокий уровень агрессивного потенциала был реализован чеченской общностью, которая, провозгласив создание независимого государства – Ичкерии, навязала федеральному центру стратегию сверхжесткого императива. В результате пострадал в первую очередь сам чеченский этнос.

Манипуляция как стратегия межгруппового общения

Демократизация политических систем современных государств породила новый вид общения между выделенными акторами – *манипуляцию*. Это более мягкая, чем императив, форма воздействия на партнера; истинные цели общения могут быть от него скрыты. Данная стратегия нацелена на опосредованное управление поведением контрагента, смену агонистических установок на лояльные, уход от возможного конфликта или перевод его из политической плоскости в культурную или языковую.

Государственная группировка в полиэтническом обществе применяет этот вид взаимодействия с целью интеграции этносов различного уровня развития в единое социально-экономическое, политико-правовое и культурное пространство. Важный инструмент воздействия на партнера в этой ситуации – актуализация гражданского правосознания и гражданской самоидентификации личности. Можно выделить три основных типа манипуляции: *деэтнизация политики и государственности, политика ассимиляции, политика аккультурации*.

Под *деэтнизацией* мы понимаем политику государства, нацеленную на искусственное ограничение и вытеснение этнической составляющей из общественной жизни, на отказ от этнотерриториальной формы государственности. Эта стратегия обусловлена тем, что "титутельная" общность отказывается признать право других групп на самобытные формы жизнедеятельности в полном объеме. Механизмы деэтнизации различны. Среди них:

- ликвидация имеющихся территориальных автономий или воспрепятствование их образованию. Так, в СССР после Великой Отечественной войны были ликвидированы такие формы этнотерриториальных автономий, как национальные сельсоветы и национальные районы, в которых делопроизводство в судебных учреждениях и органах самоуправления, школьное обучение и работа в культурно-просветительских учреждениях велись на местном языке;

- проведение административно-территориальных границ, не соответствующих с этническим (языковым). Например, во Франции вместо исторических провинций (Бретань, Гасконь и т.д.), нередко совпадавших с лингвистическими ареалами, ввели новое административное деление на департаменты. Аналогичным образом были проведены границы кантонов в Швейцарии;

- отказ от группового и введение индивидуального принципа защиты этнических прав (сохранение самобытности, языка, образования).

Следующий тип стратегии манипуляции со стороны государства – *политика ассимиляции*. Необходимо уточнить, что этническая ассимиляция – естественный процесс усвоения представителями различных этносов языка, культуры, обычаев и традиций той среды, в которой они проживают. Государственная группировка может ускорить его, проводя политику насильственной ассимиляции. Она включает в себя систему мер правительства или местных властей в области школьного образования, культуры и делопроизводства, нацеленную на подавление языков этнических меньшинств путем сужения сферы их функционирования. В рамках этой стратегии каждое государство проводит свою языковую политику, содержание, цели и направление которой могут меняться.

Например, в СССР в 1960–1980 гг. союзный центр начал проводить курс на вытеснение этнических языков из сфер образования, культуры и управления. Бюджетные средства выделялись в основном на содержание учебных заведений, где преподавание велось на русском языке (только в Татарии и Якутии была сохранена сеть средних школ, где преподавание велось на языке "титутельной" группы). Причем на местах ассимиляция иноэтничного населения формально проводилась при его поддержке. Так, в 1960 г. якобы "по просьбе родителей" было принято Постановление Совета Министров Чувашской АССР и Чувашского обкома КПСС, согласно которому сфера действия чувашского языка ограничивалась начальной школой; с пятого класса преподавание общеобразовательных предметов, кроме родного языка и литературы, велось на

русском. В итоге в столице Чувашии – Чебоксарах осталась только одна школа с обучением на родном языке.

Как известно, существуют два типа культурно-языковой ассимиляции, условно называемые "шотландским" и "баскским" [Перепелкин, 1992, с. 93–94]. При первом типе этническая группа подвергается частичной ассимиляции со стороны доминирующего этноса. Она, в принципе, сохраняет свою идентичность, одновременно во многом перенимая ценностные ориентации и поведенческие стандарты, политическую культуру большинства. В России такой тип ассимиляции можно наблюдать у карелов, мордвы, удмуртов, коми, чувашей. В период современных модернизационных трансформаций политическая социализация данных групп не приобрела выраженного конфликтного характера и не стала источником межэтнической напряженности.

Второй тип ассимиляции, сводящийся к ограниченному, поверхностному принятию меньшинством перечисленных категорий, означает сохранение им своего менталитета и культурно-языковой дистанции от доминирующего этноса. Этот тип характерен для татар, тувинцев, чеченцев, кумыков. В этом случае в условиях распада государственной общности ("советский народ") и уничтожения соответствующего уровня идентификации индивида формирующееся политическое сознание приводит к складыванию этнократии и поползновениям на сепаратизм. Таким образом, политика насильственной ассимиляции, способствуя размыванию границ этнических систем, может вызывать ответную реакцию сопротивления со стороны этнических групп и их стремление к изоляции, что порождает конфликт между ними и государством.

В отличие от ассимиляции *аккультурация* представляет процесс взаимовлияния этнических культур, при котором не происходит смены этнического самосознания меньшинства или утраты им языка. Политику аккультурации проводят современные демократические государства. Суть ее заключается в создании социальной среды, благоприятной для усвоения ценностей техногенного общества этносами других типов (архаичного и традиционного), и разработке проектов, нацеленных на преодоление этноцентризма и развитие толерантности. Такого рода курс проводится и в отношении аборигенных групп в странах Нового Света (Австралии, Бразилии, Венесуэле, Мексике, Канаде, США и др.). Различные мероприятия по аккультурированию мигрантов из стран "третьего" мира практикуются правительствами европейских держав.

Средством усиления культурной интеграции общества является государственная идеология, которая с помощью СМИ, образовательного процесса и патриотического воспитания индоктринирует в сознание своих граждан чувства гражданского достоинства и гордости за свою страну, интересы которой должны разделять все граждане. В основе ее могут лежать различные идеи: всеобщее благоденствие и процветание, абсолютизация своего образа жизни (США); построение нового общества (например, коммунистического – в СССР и странах советского блока); сохранение своей самобытной культуры в условиях технического прогресса (Япония) и т.д.

К настоящему времени разработаны различные социальные технологии, направленные на инкультурирование в массовое сознание идей толерантности и позитивного восприятия этнического разнообразия. Можно выделить:

- культивирование с младшего возраста межэтнических контактов с выработкой дружественных стереотипов в отношении традиционно недружественных этносов (например, у греков и болгар по отношению к туркам);
- обмен детьми возраста предполагаемого импринтинга (6–12 лет) между двумя этническими общностями с поселением их в семьях принимающей стороны;
- организация фестивалей, дней дружбы различных этносов, куда приглашаются представители других групп [Олескин, 2001].

Важно подчеркнуть, что конкретные аккультурационные технологии, нацеленные на преодоление этнических конфликтов и смягчение этноцентризма, могут базироваться на мировоззренческих установках биоцентризма: представление о "частичности" всего человечества в рамках биоса изначально противостоит попыткам

абсолютизировать какое-либо его подразделение второго порядка, будь то "избранные" этносы, государства или регионы. Как разнообразие живых существ обогащает всю биосферу, так и разнообразие внутри человечества (индивидуальное, этническое, расовое, культурное) – богатство, принадлежащее всему человечеству. Жизненно важные для всех этносов мира вопросы охраны биоразнообразия перед лицом антропогенной угрозы могут служить поводом и предметным содержанием для эффективной глобальной кооперации вопреки этническим, региональным, культурным барьерам. Совместная деятельность, направленная на решение жизненно важных для всех задач, не может не привести к улучшению отношений между этническими группами, к снижению вероятности серьезной конфронтации между ними.

Применение в конкретных ситуациях общения тех или иных социальных технологий обусловлено целями доминирующего партнера, его способностью умело прогнозировать ситуацию и учитывать все ее издержки. Используя свои ресурсы, государственная группировка может и должна привлекать творческие коллективы и общественные организации для создания тех или иных социальных проектов по снижению уровня этнической конфликтности. С точки зрения биополитиков, необходимо использовать такие эволюционно-древние механизмы смягчения агонистического поведения, как создание игровых ситуаций (игра в войну, спортивные состязания) и буферных зон взаимного контакта в межэтнических и межгосударственных конфликтах (например, объявить спорные Фолклендские/Мальвинские острова зоной дружбы и взаимопонимания между англичанами и аргентинцами). Выглядит перспективной идея проведения по аналогии с античной эпохой интернациональных Биос-Олимпиад – мирных состязаний в спорте, поэзии, риторике и других видах деятельности, которым должно сопутствовать заключение перемирия в "горячих точках".

Впрочем, следует отметить, что манипулирование общественным сознанием – достаточно продуктивный инструмент политики, ибо позволяет регулировать межгрупповые отношения, менять иерархию самоидентификаций личности в заданном направлении, индоктринировать установку на лояльное поведение. Вместе с тем социальные технологии, созданные на основе этой стратегии общения, хотя и позволяют снижать конфликтогенный потенциал в обществе и канализировать агрессию, не могут разрешить всех проблем и противоречий. Надо принимать во внимание тот факт, что часть этнических групп негативно воспринимает даже такие опосредованные формы воздействия, как описанные типы манипуляции, и в той или иной форме выражает свой протест.

Социальное взаимодействие в виде диалога

Сказанное выше означает, что создание оптимальной модели взаимодействия этнической группы и государства невозможно без развития общения в форме диалога. Такая стратегия исходит из постулирования партнерами своего равноправного положения; ее цель – взаимопонимание, самопознание и саморазвитие контрагентов, создание комфортной среды взаимодействия и решение конкретных задач. Использование диалоговой модели общения между партнерами возможно при достижении обществом определенного уровня демократии и правосознания, когда в качестве ценностной парадигмы выступает признание равнозначности всех этноцивилизационных групп и их права на различные формы самоопределения в рамках данной страны.

Диалог как форма социального взаимодействия между государством и этническими группами возникает только на основе поиска общих решений, определения путей к взаимопониманию и согласию. Подобная стратегия поведения требует выработки таких качеств, как взаимная уступчивость, умение признавать свои ошибки, желание видеть практический результат общения. Этот режим взаимодействия необходимо вводить в русло конституционного процесса. В России государство в лице федерального

центра сумело пойти на такой шаг, как признание своих политических ошибок в отношении депортируемых групп (процесс их вторичной реабилитации) и возвращение их представителей на историческую родину, восстановление их прав. Можно назвать компоненты диалогового взаимодействия, которые присутствовали во внутренней политике Российской Федерации в конце 1980-х – начале 1990-х гг.:

- повышение статуса автономных республик и создание новых этнотерриториальных субъектов Федерации;
- признание этнической символики (изменение названий субъектов Федерации в соответствии с фонетикой этнических групп, например Республика Саха (Якутия), Республика Марий-Эл, Республика Калмыкия – хальм Тангч);
- подписание Федеративного договора;
- практика заключения двусторонних договоров о разделе властных полномочий между федеральным центром и субъектом Федерации.

В рамках налаживания диалога "центр–периферия" активизировалась языковая политика субъектов Федерации. В результате в некоторых из них "титulyные" группы не только увеличили свое языковое пространство, закрепив за родным языком статус государственного наряду с русским (в ряде республик – Башкирии, Карелии, Мордовии и Марий-Эл – был введен даже трилингвизм), но и расширили тем самым область функционирования своих этнических культур.

Диалог как вид социального взаимодействия возможен при наличии двусторонних каналов коммуникации между этнической группой и государством, которые должны обеспечить необходимый объем информации для принятия адекватных управленческих решений, аккумуляции интересов обеих сторон и установлении некоего паритета между данными субъектами. Этническая группа несет в себе информацию, которая обеспечивает преемственность поколений и действие механизма "свой–чужой" и определяет соответствующий уровень идентификации индивида. Государство должно накапливать информацию о развитии всех этнических групп, их взаимодействии, нарастании этнической напряженности и политической субъектности этносов, функционировании общества в целом, рациональной организации управления и устоявшихся стереотипах политического поведения.

В ходе общения может возникнуть коммуникативный барьер (психологическое препятствие между партнерами на пути адекватной передачи информации). Ведь этнические группы и государство как субъекты взаимосотрудничества реализуют общение не только через соответствующие институты, но и посредством деятельности конкретных лиц. Личностный фактор предполагает наличие психологических характеристик восприятия информации.

Форма подачи информации, которую получает этническая группа как реципиент, должна учитывать конкретные управленческие и политические нюансы и отличаться вежливостью, чувством такта по отношению к ней; иногда возникает даже необходимость разумной дозировки сведений, потенциально несущих в себе деструктивный заряд. Это необходимо для того, чтобы избежать рецидива латентного или отложенного этнического конфликта, политической мобилизации групп по этническому основанию и воздержаться от использования императивного вида общения со стороны меньшинства (в форме сепаратистских или террористических организаций). Здесь следует помнить, что в годы перестройки открытое, но порой выходившее за этически оправданные и практически рациональные границы обсуждение в СМИ политики депортации, проводившейся в СССР, способствовало сублимации этнической напряженности, возникновению конфронтации и ускорению центробежных тенденций.

Задачи сохранения целостности полиэтнического общества и установления политической стабильности в российской истории традиционно оставались прерогативой государства, которое было источником всех модернизационных трансформаций. В руках государства сосредоточена институциональная основа взаимодействия с этническими группами: система права, образование и просвещение, соответствующие

органы исполнительной власти и т.д. Таким образом, власть несет особую социальную ответственность за эффективность и издержки общения с этнической группой.

Демократическое Российское государство должно рассматривать полиэтничность как свое богатство. Различные этносы, каждый из которых имеет собственные достоинства и приспособлен к своему региону, совместно способны эффективно осваивать и сохранять многообразную природу нашей страны. В этом пункте задача налаживания межэтнического диалога особенно соответствует биоцентрической парадигме. И коль скоро один из аспектов уникальности нашей страны состоит именно в колоссальном богатстве биоса, мы ратуем за бережное отношение не только к биологическому разнообразию, но и к его аналогу – этнической гетерогенности населения России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Битянова М.Р.* Социальная психология. М., 1994.
- Гусев М.В.* К обсуждению вопроса об антропоцентризме и биоцентризме // Вестник Московского университета. Сер. Биологическая. 1991. № 1.
- Докинз Р.* Эгоистичный ген. М., 1989.
- Дьюсбери Д.* Поведение животных. Сравнительные аспекты. М., 1981.
- Лоренц К.З.* Агрессия (так называемое зло). М., 1994.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.–М.–Харьков–Минск, 2000.
- Мескон М.А., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М., 1992.
- Олескин А.В.* Сетевые структуры общества с точки зрения биополитики // Полис. 1998. № 1.
- Олескин А.В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М., 2001.
- Перепелкин Л.С.* Истоки межэтнического конфликта в Татарии // Мир России. 1992. № 1.
- Резник Ю.М.* Социальная инженерия как средство обеспечения управления. М., 1996.
- Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.
- Eibl-Eibesfeldt I.* Us and the Others: the Familial Roots of Ethnonationalism // Indoctrinability, Ideology and Warfare. New York–Oxford, 1998.
- McGuire M.T., Troisi A., Raleigh M.J., Masters R.D.* Ideology and Physiological Regulation // Indoctrinability, Ideology and Warfare. New York–Oxford, 1998.
- Rushton J.P.* Genetic Similarity Theory and the Nature of Ethnocentrism // In-group – out-group Behaviour in Modern Societies. An Evolutionary Perspective. Brussels, 1999.
- Salmon C.A.* The Evocative Nature of Kin Terminology in Political Rhetoric // Politics and the Life Sciences. 1998. № 1.
- Somit A.* Toward a More Biologically Oriented Political Science // Midwest Journal of Political Sciences. 1968. Vol. 12.
- Somit A.* Biopolitics // British Journal of Political Sciences. 1972. Vol. 2.
- Somit A., Peterson S.* Biopolitics after Three Decades: a Balance Sheet // British Journal of Political Sciences. 1998. Vol. 28.
- Vlavianos-Arvanitis A.* Biopolitics – Dimensions of Biology. Athens, 1985.
- Vlavianos-Arvanitis A.* Biopolitique – le bio-environnement. Athènes (Grèce), 1998.